

Н. Лесков

**Переписка Лескова с
Толстым**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л50

Л50 **Лесков Н.С.**
Переписка Лескова с Толстым / Н. Лесков – М.: Книга по Требованию, 2021. –
84 с.

ISBN 978-5-4241-3036-6

Всеобщая гармония и мир. Праведничество, совестливость, сострадание и любовь. Самые сокровенные, самые заветные свои мысли доносит до читателя Лесков в легендах и сказках, рассказах-притчах и обозрениях, созданных в последние годы жизни.

ISBN 978-5-4241-3036-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.С. Лесков, 2021

Лесков Н С & Толстой Л Н
Переписка

Николай Семенович Лесков, Лев Николаевич Толстой

Переписка

Переписка Н.С.Лескова с Л.Н.Толстым

1. 1887 г. Апреля 18.

18 апреля 87 г. СПб. (вечером).

Сейчас заходил ко мне Павел Иванович Бируков и известил меня, что Вы на сих днях будете в Москве. Он и Владимир Григорьевич Чертков очень желают, чтобы могло осуществиться мое давнее, горячее желание видеться с Вами в этом существовании. Я выезжаю в Москву завтра, 19-го апреля, и остановлюсь в Лоскутной гостинице. Пробуду в Москве 2-3 дня и буду искать Вас по данному мне адресу (Долгохамовническом пер., No 15). Не откажите мне в сильном моем желании Вас видеть, и - если это письмо найдет Вас в Москве, - напишите мне: когда я могу у Вас быть. Излишним считал бы добавлять, что у меня нет никаких газетных или журнальных целей для этого свидания.

Любящий и почитающий Вас Н. Лесков.

2. 1888 г. Июня 26.

26 июня 88 г., Аренсбург.

Не посердитесь на меня, Лев Николаевич, что я беспокою Вас моими строками. Живучи здесь на морском берегу, в тиши и уединении - я перечитал нано-во лекции покойного друга моего Филиппа Алексеевича Терновского по церковной истории и нашел в них нечто, чего как будто не замечал прежде. Упоминается о направлении, которое обнаружилось в III веке у христиан в Севастии. - что они признавали войну делом непримиримым с христианскою верою, и воевать не хотели, но в солдаты шли, когда их забирали насильно, но там (в службе) опять оружия для нанесения смерти и ран в руки не брали, а чтобы отстоять свое убеждение, - безропотно подвергались мучительствам и позорной смерти. Таких, "святых мучеников, иже в Севастии" - поминает и ваша греко-восточная церковь, но я пропускал это ранее мимо ушей и никакого внимания на это не обращал. Теперь же и хотел бы покопаться в этих делах, да не могу. Здесь нет ни Прологов, ни Четьих Миней и вообще - никаких житейских книг; а у Вас, я предполагаю, - они есть. Усердно прошу Вас посмотреть в них: что там рассказано о мучениках севастиийских? Если же найдете что-либо из подробностей, то не будете ли так милостивы, чтобы заказать сделать для меня выписку я ту выписку мне прислать сюда в Аренсбург, так как мне здесь же хотелось бы об этом писать. Равномерно - нет ли у Вас церковной истории Гизелера и Гагенбаха, которыми пользовался покойный Терновский и у которых предмет был трактован, без сомнения, полное и свободнее, чем у русского профессора. У меня же есть копии казенной переписки о том, что делать с духовными христианами, которых впервые набрали в рекруты в 30-х годах и они повели себя во многом подобно, как мученики, "иже в Севастии". Император Николай тогда велел отдать их в "профосы", чтобы устыдить их и унижить, но они этому были рады и чистили ямы с удовольствием. К несчастью их, какой-то гарнизонный дока доискался, однако, что к обязанности "прохвостов" и принадлежит также "заготовление розог и шпицрутенов", и самое исполнение палачевских обязанностей в обозе. Все это, как видите, - очень любопытно и дает прекрасный, живой материал, но чтобы приняться за его обработку - надо иметь выписку из того, что житийные книги передают о мучениках в Севастии. Не откажитесь пособить мне в этой моей литературной нужде, и я

тотчас по получении выписки примусь писать "Прохвоста".

Преданный Вам и любящий Вас Н. Лесков.

Адрес мой просто: "Аренбург на Эзеле, Никл. Семн. Лескову". Надо писать "на Эзеле", а то письма нередко посылают "в Оренбург".

3. 1888 г. Июля 23.

23 июля, 88, Аренбург.

Досточтимый Лев Николаевич.

Покорно Вас благодарю за письмо Ваше от 17 июля которое я получил здесь вчера. Оно мне было и утешением, и радостью, и ободрением. Отправив письмо к Вам, я стал себя укорять, для чего я это сделал? Зачем я позволил себе Вас утруждать просьбою, да еще такую хлопотною? И стал я на себя сердиться ежедневно, и положил в уме, что Вы мне не должны отвечать, потому что просьба моя груба и нахальна. Вы меня утешили, ибо я вижу, что просьба моя не показалась Вам неуместною. Мне ведь не к кому было обратиться с этим вопросом, кроме Вас. Я радуюсь, что Вы здоровы и отдыхаете среди любимых Вами сельских занятий, и я получаю ободрение в Вашем совете работать, не заботясь об угодничестве цензуре. Я от этого много страдаю материально, но еще более от досаждений редакторских. Эти господа думают, что непременно надо иметь их точки зрения и их заботы... За всем этим маешься, маешься, да и устанешь, и начинаешь сам в себе сомневаться. В Вашем слове я всегда черпаю силу, которая в нем есть и которая мне доступна для усвоения. А потому я глубоко благодарен Вам за Ваше теплое и ласковое письмо. Совестно мне перед девицами, которых Вы понудили сестр ради меня за "Пролог", но чтобы не лицемерить, - не смею от этой помощи отказываться, а реку же обычно есть архиереям: "Приемлю, благодарю и ничесо же вопреки глаголю". Справку, думается, можно сделать, легко, если у Вас есть "месяцеслов" Косолапова. Там (помнится) есть оглавление и алфавит. Надо найти "Севастиа", или "Себастиа", а потом "мученики иже в Севастии", - тогда сейчас и найдется то, что нужно. Выписочку мне нужно небольшую, но в которой бы содержалась "суть", и притом подлинными словами "Пролога" или "Минеи", потому что я имею такой план, - что мальчик раскольничьей семьи, перешедший в господствующую церковь, - живет с дедушкой, добрым стариком, но дремучим буквоедом, в землянке, на задворках и читает ему о мученицах в Севастии, 12 лет открывает в книге то, что дед "чел, чел да не узрел". Придут начетчики, и 12-летний хлопец с ними будет спорить о духе, и "остро придет им слово его", и "да не разорит он предания", отдадут его в солдаты, как "худую траву - из поля вон". А там он пойдет "под пеструтины", и будет "профосом" во исполнение повеления. Его доброта, чистосердечие; насмешки над ним; он "прохвост". Аудитор богомольный научит заставить его быть "обозным палачем". Надо удавить жида и поляка. "Прохвост" отказывается и делается новомученик по севастийскому фасону. Таков мой план или моя затея, но я не знаю: что там написано о севастийцах? Пособите мне, и молодым графьям на том же кланяюсь. Пишу же Вам все это со скоростию для того, чтобы Вы не послали мне справки сюда, на Эзель, так как я на сих днях отсюда собираюсь уехать, а к 10-му августа буду, или надеюсь быть в Петербурге (Фурштадская, No 50, кв. 4). Прошу адресовать мне выписочку в Петербурге.

Верно Вам преданный и благодарный Н. Лесков.

4. 1888 г. Августа 5.

5 августа 88, Аренсбург.

Вот смотрите, что делает кто-то или что-то: провиденциальность, случайность, или "ирония судьбы". Вы - я слышал - высоко цените прекрасный ум и прекрасное, честное направление покойного Филиппа Алексеевича Терновского, автора "Первых веков христианства", "Византизма в истории" и т. д. Он умер униженный, выгнанный с обеих кафедр (университетской и академической) и оставил детей без хлеба и без помощи. Выгнал его Медеяннов по настоянию Лампадоносцева, а этому, чтобы задушить человека великой души (я его знаю и имею основание так называть), нужен был не брезгливый человек, который бы составил обвинение по пунктам. Для этого явился бывший директор гимназий в Польше, зять Степана Громеки, Ефим Крыжановский. Он изготовил обвинение против Терновского и сам получил за то место в Ученом Комитете Синода и стал отличаться по перегонке лютеран в "воспитавшую его веру". Теперь читайте, что случилось. Пришел он случайно или неслучайно в тот самый, Киев, где его руками был удушен Терновский, и тут и испустил омраченный дух свой, и легли они оба на одном кладбище... Получу ли от Вас вспомогательное указание о мучениках севастиийских? Адрес: Пб. Фуршт. 50. Уезжаю с Эзеля завтра.

Любящий Вас Лесков.

5. 1888 г. Октября 1.

Лев Николаевич.

Не откажите мне помочь, чтобы в "Русских ведомостях" напечатали прилагаемое мое письмецо. Это надо сделать в Москве, а не в Петербурге, потому что злая выдумка идет из Москвы. Поп, которому давали читать, будто "открыл сходство между патриархом и Филаретом", после чего будто "Русская мысль" "ахнула, и сама отказалась печатать". Здесь этому верят, особенно в несмысленном бомонде. Пожалуйста, помогите мне восстановить правду и пришлите номерок, где мое письмо будет напечатано. Тут все раболепствуют и склонны верить, что уж что-нибудь "ужасное" да есть в Зеноне. Помощь Ваша и внимание ко мне - оживляют меня и дают мне силу, которой часто недостает от обидного притеснения. Храни Вас Бог на радость нашу и укрепление изнемогающего духа.

Н. Лесков.

1.10.89. Спб.

6. 1889 г. Апреля 30.

30 апреля 89 г. СПб.

Лев Николаевич.

Вчера я послал Вам под бандеролькой мой маленький новый рассказ "Фигура". Он позволен к печати и должен явиться в журнале "Труд" (приложение к "Всемирной иллюстрации"). Это тот самый рассказ о родоначальнике украинской штунды, о котором я писал Вам некогда, испрашивая у Вас совета, чтобы сделать из этого маленький роман. Не получив ответа, я скомкал все в форме рассказа, сделанного очень наскоро. Тут очень мало вымысла, а почти все быль, но досадно, что я из были-то что-то важное позабыл и не могу вспомнить. Кроме того - я Сакена никогда не видал и никаких сведений о его привычках не имею. Оттого, вероятно, облик его вышел бесхарактерен и бледен. Не могу ли я попросить Вас послать этот ломоть Вашею рукою и из Вашей солонки? Не укажете ли в корректуре: где и что уместно припустить для вкуса и ясности о Сакене,

которого Вы, я думаю, знали и помните. Пожалуйста, не откажите в этом, если можно, и корректуру с Вашими отметками мне возвратите; а я все Вами указанное воспроизведу и внесу в текст в отдельном издании. Буду ждать от Вас хоть одной строчки ответа. Гатцук передал мне свой разговор с Вами обо мне. Спасибо Вам, что знаете меня и говорите обо мне. В суждении своем Вы вполне правы: не столь много требуется "на нужу, сколько наружу". Душевное состояние мое, однако, улучшилось и много улучшилось после того, как Вы мне написали, что "все хорошо и полно жаловаться". Я не жалуясь более, и в самом деле стало легче. Помогите мне выправить и дополнить "Фигуру" в отношении неизвестного мне Сакена. Если Павел Иванович Не-Гайдуков у Вас - то прошу сказать ему мою благодарность за присланные сегодня выписки из М. Арнольда.

Любящий Вас Николай Лесков.

7. 1889 г. Мая 18.

18 мая 89. СПб. Фршт., 50, к. 4.

Благодарю Вас, Лев Николаевич, за полученное мною письмо Ваше о "Фигуре". Все, что пишете, - верно: рассказ скомкан и "холоден", но я все видел перед собою опротивевшее пугало цензуры и боялся разводиться теплоту. Оттого, думается, и вышло холодно, но зато рассказ прошел в подцензурном издании. "Тени на лицо Фигуры" нужны, и я их попробую навести при внесении рассказа в V том собрания моих сочинений, а под цензурою пусть уже хоть так бредет. Кое-что доброе рассказ все-таки внушает и в этом виде. Благодарю Вас и за то, что черкнули о Сакене: я о нем ничего не знал, кроме того, что написал. Оттиска "Фигуры" во второй раз не буду Вам посылать, чтобы не беспокоит Вас. С меня довольно того, что Вы мне сказали. Любовь и признательность к Вам питаю с великою радостью духа, который получил через Вас много света, и силы, и утешения.

Преданный Вам Н. Лесков.

8. 1890 г. Ноября 16.

16. Ноябрь 1890 СПб. Фурштадская 50 кв. 4

Получил от Вас ответ, Лев Николаевич. Сказку, пожалуйста, прочтите. Она довольно испорчена в конце "страха ради", но иначе ей бы не выйти. Порча, однако, тоже сносная. Николай Николаевич Ге с нею помирился и меня простил. Замысел "Полуночников" меня тешил, и я все написал с радостию, но не знаю: устрою ли вещь и где устрою? Прежде хотел назвать "Ажидация", потому что так это называют предстоящие "ему" в Кронштадте. Дом называется "Ажидация" и ожидание тоже "ожидация"... Чем худо? Николай Николаевич взманил меня рассказом о свидании "его" с Хилковым и уверял, что Марья Львовна пришлет мне копию почитать. Это бы мне очень дорого, пока моя рукопись еще у меня. Я просил Марью Львовну, но не знаю, как она отнесется к моей просьбе. Помогите, если найдете возможным. В "Полуночниках" есть живые лица христианского духа - прекрасная девушка купеческого дома (Морозова) и "врач безмездный" (Бирштед). Одна называется просто Клавдинька, а другой Ферштед. (Он уже заразился и умер.) Пара сюжетов очень живая. От них тоже приехали "отмаливаться". Пожалуйста, помогите почитать, как там было с Хилковым? Я смею скромно воспользоваться, чем можно. Говорить Вам о Ваших недостатках не могу, потому - что мне стыдно и противно было бы быть Вашим судьей: Вы мне большую пользу сделали, и я Вас именно люблю и не люблю о Вас пересуживать,

а как сам Вас понимаю, то мне все приходит хорошо по духу и по мысли. Не хочу и не могу относиться к Вам иначе, как к самому полезнейшему другу. Позвольте мне при этом оставаться, ибо этак мне ловко и впору. Впрочем, я могу Вам и погрубить за то, что Вы дали поощрение разогнать гнездышко "Посредника" в Петербурге... Не могу утешиться - зачем это сделано? О Ругине добыл весть: он пристал по пути к подходящим людям и там работает. Это характер редкой целостности. Его обижали совершенно напрасно. Согрублио и еще раз: о Паскале говорить не пойду. Спросите: почему? А потому, что я уже говорил, и больше говорить не о чем. Я говорил упоминая и Ваше имя, и проку никакого не вышло, и опять не выйдет, а будет только шум и "молва о людях"... Зачем это делать? Довольно истории с "даровыми объявлениями", от которых я Черткова старался воздержать и не успел в этом, а в результате вышло, что шум и крик и чертыханье были, а объявлений больше нет. Суворин мне прямо сказал: "Если на переводе не будет стоять имени Л. Толстого, то и говорить не о чем: есть два перевода, и они не идут". Вот в чем дело: ставьте Ваше имя, и тогда будет о чем начинать говорить. Я, ведь, там бываю очень редко (1-2 раза в год), но выдаю людей и кое-что знаю. Там теперь есть неудовольствие за евреев, и это не благоприятствует для соглашений. К Вам собирается на 2-3 дня Гольцев (из Москвы). Мы (вчера) сговорились было поехать с ним вместе... Можно ли? Я очень хочу Вас видеть.

Н. Лесков.

Не откажите мне в удовольствии сказать мой поклон графине Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне. Приходил известный Вам датчанин и читал мне свою статью о пребывании в Ясной Поляне. По-моему, это довольно скромно и довольно верно.

9. 1890 г. Ноября 17.

17. XI. 90 г. СПб.

Виделся с управляющим издательскою частью у Суворина и говорил с ним о Паскале. Ответ тот, что теперь, если бы и Ваше имя стояло, то издавать нельзя, так как переводчик предложил "условия неслыханные". Он желает иметь по 50 рублей гонорара, тогда как за перевод не платят дороже 15 рублей, и, кроме того, получив 50 рублей, он желает ограничить издателя в количестве экземпляров и в цене книги. Такие условия показывают, что переводчик, очевидно, совсем не знает, как эти дела делаются. Суворину это показалось столь наивно и далеко от возможности сговориться, что он оставил дело без ответа. Возобновить дело можно бы, кажется, при том, чтобы 1) Вы написали хоть предисловие, а 2) переводчик спросил бы себе обыкновенный (ходячий) гонорар за перевод и не стеснял бы издателя в его издательских расчетах.

Н. Лесков.

10. 1890 г. Декабря 3. Ясная Поляна.

Получил ваше и последнее письмо, дорогой Николай Семенович, и книжку "Обозрения" с вашей повестью. Я начал читать, и мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но... потом выступил ваш особенный недостаток, от которого так легко, казалось бы, исправиться и который есть само по себе качество, а не недостаток - *exuberance* (*) образов, красок, характерных выражений, которая вас опьяняет и увлекает. Много лишнего, несоразмерного, но *verve* (**) и тон удивительны. Сказка все-таки очень хороша, но досадно, что

она, если бы не излишек таланта, была бы лучше.

(* Избыток, излишество (фр.). *)

(** Жар, восторг (фр.). **)

Намерение ваше приехать к нам с Гольцевым, кроме большого удовольствия, во всякое время нам ничего доставить не может. Ге был еще у нас, когда пришло ваше последнее письмо, и мы вместе с ним смеялись вашему описанию. Но тут, кроме смеха, дело очень интересное и знаменательное. Когда увидимся, поговорим. Так до свиданья.

Любящий вас Л. Толстой.

11. 1890 г. Декабря 6.

6 декаб. 90. СПб. Фршт., 50, 4.

Достоуважаемый Лев Николаевич!

Вчера получил Ваше письмо, и оно меня особенно обрадовало. Я все укорял себя: зачем навязал Вам чтение сказки и сообщение мне Вашего о ней мнения? Очень было совестно, но поправить уже было поздно. За выказанное Вами мнение сердечно Вас благодарю. Вы верно замечаете: некоторая "кучерявость" и вообще "манерность" - это мой недостаток. Я его чувствую и стараюсь от него воздерживаться, но не успеваю в этом. Дайте-ка мне еще тему для сказочки: я еще попробую написать без кудряшек. А мне легко и приятно писать на Ваши темы. Гольцев писал мне, что к нему в редакцию заходила Софья Андреевна и что ее приглашение мы имеем. Дело теперь за тем: когда Гольцеву выпадет свобода. Я же всегда более или менее завишу от себя: "мы "штучники" (как говорят портные) - свое усердие и свой пропой". Я заеду за Гольцевым, как он назначит. С ним мне быть у Вас особенно полезно, так как он такой же горожанин, как я, и мне не будет так стыдно своих немощей, а во-вторых, я с Вами уж слишком согласен, так что мне никогда и в голову не придет разьяснять что-нибудь с той стороны, с какой дело представляется человеку "академического мирозерцания". А это очень важно и полезно, тем более что мы с Гольцевым относительно очень значительных вещей не согласны. Я шел и иду сам в течение всей жизни, но люблю себя поверять и укреплять Вашими суждениями. Иначе бы я, может быть, предпочел приехать один и привез бы своих "Полуночников", которых просил Цертелев, но я думаю, что их никто теперь не возьмет... Измигул Разлоляй ведь проскочил в подворотню "под белым ангелом крыла" Фета... Афанасий Афанасьевич! Читаете ли его и узнаете ли? Что ему надобно?.. Жемчужников прав: "Ложишься спать и сам за себя боишься: каким проснешься?" Иванов захлебнулись, но, к несчастью, не поперхнулись. "Лики" его в образных лавках продаются рядом со "спасами", казанскими и "всеми святыми". Редакции наперебой друг перед другом его заполучают и теперь уже все им "обрыськаны". Сначала "хозяева", а потом "меринье". К тем, у которых дела плохи, он не идет, вероятно, боится, что "денег попросят", но это никого не заставляет задуматься о нем, а только все лезут и просят. Художник написал картину (масляную) "Искушение отца Иоанна". Ночь, кабинет, луна, в окне церковь, он дремлет над книгой, у него за спиной черт с соломинкой, шевелит его за правым ухом; а тут впрямь молодая женщина в белом капоте "декольте до самых пор", но он устал и все-таки дремлет... Тогда является другой черт у нее из самой юбки и дает какой-то знак черту, стоящему за спиною; но тут вдруг воздымается кот и делается горбик... "Табло!" У нас есть доктор (я живу в общине сестер милосердия гр.

Орловой) - не совсем глупый, но он меня уверял, что "Иванов в больнице полезен, потому что он дает ерфикс больным". Чудес иных он не делает, но "в этом смысле очень полезен". "Хронических он колерует". Я пытал: зачем он все над кем-нибудь одиноко бормочет, по приглашению, а не помолится по усердию о всех сразу? Доктор обиделся и сказал, что "лучше во что-нибудь верить, чем ни во что". А поп Илаил пошел мимо моей двери да споткнулся и полетел на пол, и обругался... Вот и "искушение". Там же в больнице душевнобольных: возят его, и он "колерует", а исцеления ни одного! А слава его и глупость общества все растут, как известного рода столб под отхожим местом двухэтажного трактира в уездном городе. Зимой на морозе это даже блестит, и кто знает, что это такое, - тот принимает это совсем не за то, что есть. Но мерило одурению - это верно. За Ге меня до сих пор рычат. Успех юрьевского сборника большой, но Вами тоже "уязвлены глубоко". За Ругина я успокоился. Кто-то дал ему даже амнистию и одобрение... Они от безделья начинают практиковать "спорчиков" Достоевского. Крайности сходятся, а хорошего в этом ничего нет.

Любящий вас Николай Лесков.

Пожалуйста, скажите мой поклон Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

12. 1891 г. Января 4.

4 января 91 г. СПб. Фршт., 50, 4.

Досточтимый Лев Николаевич.

Получил я Ваши ободряющие строчки по поводу посланного Вам рождественского No "Петербургской газеты". Не ждал от Вас такой похвалы, а ждал, что похвалите за то, что отстранил в этот день приглашения "чистоплюев" и пошел в "серый" листок, который читает 300 тысяч лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гулящих девок. Как-никак, а это читали бойко, и по складам, и в дворничьих, и в трактирах, и по дрянным местам, а может быть, кому-нибудь что-нибудь доброе и запало в ум. А меня "чистоплюи" укоряли, - "для чего в такое место иду" (будто роняю себя); а я знал, что Вы бы мне этого не сказали, а одобрили бы меня, и я мысленно все с Вами советовался: вопрошал Вас: так ли поступаю, как надобно? И все мне слышалось: "двистительно" так и надобно. Я и дал слово Худекову дать ему рассказ и хотел писать "О девичьих детях" (по поводу варшавских и здешних детоубийств и "Власти тьмы"), а тут вдруг подвернулась этакая история с Михаилом Ивановичем Пыляевым. Я и написал все, что у нас вышло, без прибавочки и без убавочки. Тут с начала до конца все не выдуманно. И на рассказ многие до сей поры сердятся, и Михаила Ивановича смущают спорами, так что он даже заперся и не выходит со двора, и болен сделался. Я ему Ваше письмо отнес и оставил для утешения; а одна купчиха ему еще ранее прислала музыкальную "шикатулку", - "чтобы не грустил". Он и не грустит о пропаже, а надоели и мне и ему со спорами: "к чему это касающее и своеобразное". Тут и подоспело от Вас подкрепление, за которое Вас и благодарю. Под Новый год повреждал свое здоровье у Суворина шампанским вином и слышал от Алексея Сергеевича о присланном ему от Черткова рассказе, составленном Вами по Мопассану. Чертков пишет, чтобы "не изменять ни одного слова", а Суворин видит крайнюю необходимость изменить одно слово, - именно слово: "девка", имеющее у нас очень резкое значение. Я думаю, что эту уступку надо сделать, и советовал Суворину писать об этом прямо Вам, так как

это дело будет короче, и есть возможность скорее сговориться. Положение Ваше в людях такое, как надо быть. "Ускоки" набегают и шпыняют в воздух в Вашем направлении. Зато Вы помогаете и "карьерам". Так, например, гнилозубый Аполлон, как I No цензуры иностранной, дал "брату Якову" поручение составить доклад о Ваших сочинениях на английском языке. "Брат Яков" трудился и гнул: "Каково это мне: я должен его запрещать". И, разумеется, запретил. Тогда "Аполлон" сказал ему, что это ему "в воспитание", и затем, чтобы утешить его, привел к нему Лампадоносца и Терция... И возвеселился Иаков, и теперь уже не смущается, и "стих" против Вас сочинил и Никанора стихом же оплакал... И говорят, будто ему теперь "другой ход дадут". Страхов стал лепетать какой-то вздор. Владимир Соловьев держит себя молодцом, и с ним приятно спорить и соглашаться. Меня все занимало, как теперь у нас, о чем ни заговори - обо всем хотят судить "с разных точек зрения" - и потому все выходит поганое чисто и чистое погано. А Владимир Соловьев подметил у всех "три измерения": нигилистическое, православное и практическое. Александр Энгельгардт по одному из этих измерений оставил деревню и живет здесь, и сидит у Головина (Орловского) и у Лампадоносца, и поступает на службу инспектором сельского хозяйства с большим жалованьем; а ходатай за него Лампадонос, у которого жена доводится Энгельгардту племянницей. И Менделеев "тамо же приложися", - и примеры эти не останутся беспоследственными... Вспоминаешь Салтыкова: "Все там будем!"... Видеть Вас очень жажду и не откажу себе в этом; приеду один и с работою на 3-4 дня (если не стесню собой). Мне теперь хочется побыть с Вами вдвоем, а не в компании.

Любящий вас Н. Лесков.

Чистокровный нигилист А. Михайлов (Шеллер) ругает в "Живописном обозрении" Н.Н.Ге и напечатал картину, как "отец Иоанн" исцеляет больную... А заметьте, что этот их "отец Иоанн" называется "Иван Ильич". Усердно прошу сказать мой поклон графине Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне. Я часто вспоминаю - как мне у Вас было хорошо. Повесть моя еще у меня, и я не спешу, - боюсь. Не переменить ли заглавия? Не назвать ли ее: "Увертюра"? К чему? К опере "Пуганая ворона", что ли?

13. 1891 г. Января 6.

Цензура не пропускает рассказа "Дурачок", корректуру я послал Вам вчера. Пожалуйста, не посылайте этого оттиска Черткову, а оставьте его у себя. Хотел бы знать о нем Ваше мнение.

Н. Лесков.

6 генв. 91. СПб.

Цензор (Пеликан) сказал Тюфяевой, издательнице "Игрушечки", будто им не введено пропускать ничего, что пишете Вы и я, и обо всем "докладывать". Врет небось!"

14. 1891 г. Января 8.

8. 1. 91.

Не надокучил ли я Вам, Лев Николаевич, своими письмами? Все равно, простите. Чувствую тягость от досаждений, мешающих делать то, что почитаю за полезное, и томлюсь желанием повидаться с Вами, а этого сделать немедленно нельзя. От досаждений болею, а от болезни делаюсь излишне впечатлительным. Рассказ Черткову пошлите. Я согласился на дурацкие помарки цензора, и